

ПО-ЖЕРТВЕННОСТЬ

Откровения судеб

ТАИНСТВО

Повесть

Господи, мы знаем — каждый из нас двоих, о себе и о другом, — что влюблены мы только в Тебя; мы знаем, что смысл жизни — в Твоей любви, которая, как дар, изливается на нас, и что никто никогда не сможет Тебя заменить. Мы благодарим Тебя за то, что Ты даешь нам в этой жизни бесчисленные знамения Своей любви, и особенно за то, что ты сделал нас «знамениями» друг для друга.

А. Сикари. О браке.
(«Христианская Россия».
Москва-Милан. Стр. 45)

Вчера по e-mail получил поздравление:
«С наступающим Новым годом и Рождеством.
Райхель, Иосиф и Анна.
P.S. Молись о нас, мы ждем ребенка».

1

Мой друг Иосиф Райхель обладал удивительной способностью хранить свое целомудрие в нашей распущенной компании.

Мы познакомились осенью в Студенческом театре на Корабельной улице. Перед этим, в июне, завалив диссертацию по Хайдеггеру, я был отчислен из аспирантуры и, по приглашению моего отца, переехал из Москвы в Ленинград.

В Москве, в университете, я стремился быть лучшим. Был нелюдим, оттого и одинок. Оставшееся после лекций время просиживал в библиотеках, поражая преподавателей своим усердием. Мне прочили имя. И все было бы предсказуемо, если бы не жизнерадостная и прекрасная дочь профессора Игнатьева, Полина. Следуя своей капризной страсти, она, словно опытный наркоман, присаживающийся на иглу новичка, причастила меня к царящему московскому разврату. Похоже, ей это доставляло удовольствие...

В мокром и сером Ленинграде мое положение усугубилось. Посеянные московской красавицей семена порока плодоносили. Я сходил с женщинами в барах, тратил отцовские деньги и в глубине души мучался от своей беспутности.

На Невском, возле Дома книги, убивая не востребовавшее время просмотром афиш, прочел объявление о наборе любительской труппы. По сей день не могу понять, зачем я отправился туда?

Студенческий театр размещался в старом покосившемся особняке на Корабельной улице. Сорок лет назад здесь начинал восхождение к славе сам Юрский.

Среди прочих, длинноволосых и небритых, ищущих самореализации бездельников, пришло несколько пригожих барышень. Худрук Голиков еще был жив. Принимали всех без должного отбора. Стандартная процедура: стих, басня, проза, песня... Мы волновались. Читали всякую выдуманную на ходу ерунду, вплоть до текстов Макаревича. Я не отличился, предоставил единственное стихотворение Макусинского, которое не очень хорошо знал наизусть. Райхель мне сразу бросился в глаза.

Перед Голиковым и Люсей, вторым педагогом, он заявил:

— Если мне придется играть в «Чайке», я это сделаю так...

Он повторил монолог Треплева... Я мало что смыслил тогда в актерском мастерстве, но его выступление поразило меня.

— С этого парня будет толк, — многозначительно сказала бывшая красавица Люся.

Нас приняли. Ставили «Вишневый сад». Мне выпала роль Лопухина. Репетиции протекали смешно и скучно.

После третьей репетиционной встречи пригласил к себе ребят из труппы с целью создать компанию. Все охотно согласилось. Райхель был из тех кротких и наивных людей, кого в компаниях не любят за почти граничащую с праведностью чрезмерную правильность. Рядом с такими, как он, чувствуешь себя неловко. Он это понимал. Пришлось настоять, чтобы Иосиф поехал с нами. Естественно, при таком характере он не умел отказывать...

Был ноябрь. Ленинград покрывался льдом. Мы пили водку и говорили пошлости. Жгли свечи. Детский педиатр Григорьев привел с собой маленькую, с хорошей фигуркой, Мариночку Арзон. Марина залпом выпила бокал «Смирновской» и прочла оду, посвященную однополую любви. После она призналась:

— Дорогие мои, хочу вам сообщить, что я ухожу из большого секса!

Жизнь радовала. Остаток ночи мы, те, кто еще мог пить, праздновали ее решение... Утро я встретил без штанов, на кухонном полу, в объятиях Арзон. Под утро Иосиф, после нежных уговоров Арзон, все-таки выпил бокал водки, может быть, первый в его жизни. С непривычки быстро опьянел и долго танцевал со стулом, изображая Мерлин Монро. Мы смеялись.

Я влюбился в ласковую и миниатюрную Арзон.

Мы были молоды. Иосифу — восемнадцать, мне — двадцать шесть. На Черной речке, в пятиэтажном сталинском доме, отец снимал для меня большую двухкомнатную квартиру. Подарил дорогой автомобиль. Райхель учился на втором курсе вечернего отделения юридического факультета, жил с бабушкой и мамой.

Мы успешно подходили друг к другу. Мне нужен был кто-то, кто восхищался бы мной и завидовал мне, Райхелю был нужен старший товарищ. Бывало, Райхель жил у меня неделями. Никогда более я не испытывал к себе такой привязанности, как от этого милого и открытого человека. Он всегда был искренен. За пивом, в откровенной беседе на Каменном острове, Иосиф, покраснев, признался, что он девственник...

Из Москвы приехала Полина. Навела в квартире порядок. Посоветовала бегать по утрам, намекая на мой зарождающийся живот. Я попросил ее об одолжении...

Вечером следующего дня мы устроили вечеринку «Оливье». На стол, кроме водки, ставили только «русский» салат и томатный сок. Определили условием участия в празднике: мужчинам прийти в костюме, дамам в вечернем туалете. Настя Ш. явилась в облегающем платье. Размер ее груди поразил меня. Я влюбился в умную Настю. Кажется, она была историком...

Райхелю с Полиной предоставили отдельную комнату и кровать. Девушки оплакивали последнего девственника петроградской стороны, мужчины пели гимны мужеству павших при исполнении служебных обязанностей героев...

На следующий день Иосиф сознался, что с Полинушкой в ту ночь у него нечего не было. На мой вопрос: «Почему ты ее не...» — Иосиф Райхель, запинаясь и смущаясь, ответил:

— Я не могу так... без любви... Это пошло и гадко. Мы же не кролики, в конце-то концов...

В отличие от меня, он ко всему относился серьезно.

Время мы, как правило, проводили вчетвером: Иосиф, одна из тех женщин, в кого я был на тот момент влюблен, и я, еще — подаренный историком Настей щенок ротвейлера по кличке Хуккер.

Мы выпивали (Райхель почти не пил), сидели в «Норе», ездили в Сестрорецк, ходили в «Малый», восхищались «Клаустрофобией», «Братьями и сестрами». Критично морщили носы в театре «На Литейном». Иосиф целеустремленно грезил сценой. Вторя ему, я тоже возжелал стать великим режиссером (лучше, чем он).

Кончилось безделье. У меня появилась новая цель. С начала марта в ДК на Нарвской Наженова давала платные подготовительные уроки. Мы стали готовиться к поступлению в Ленинградский театральный институт.

Невзлюбила меня Наженова, по-моему, за лень, гордость и высокомерие... В своем сердце презирая ее, но в надежде на снисхождение, я малодушно желал ей понравиться. Заискивал. Она, видя мои мучения, пророчествовала мне провал или, в лучшем случае, поступление на кукольное отделение, и то заочно. Иосиф же всем приходился по сердцу. Он был мил. Высок. С правильными чертами лица, ясными голубыми, почти синими, глазами, с хорошим тембром голоса и манерами воспитанного человека. Для меня до сих пор является загадкой, почему женщинам нравился я, а не он. Или мне это только казалось? Любимчик Наженовой гомосексуалист Юрик положил на Иосифа глаз. Райхель возмутился. Противореча своей интеллигентности, он постановил набить ему морду. Юрик, как и всякий педераст чувствительный к таким вещам, это понял. Рядом с нами больше не показывался.

Был поздний холодный май. На курсах Наженовой появилась Лариса М. Грудастая хохлушка из Херсона решила стать актрисой. Высокая, всегда улыбающаяся шатенка прельстила нас тяжелыми волосами, заплетенными в косу по пояс, прекрасным крепким телом и тем, что, вопреки своей провинциальной внешности, оказалась вполне компетентным романо-германским лингвистом. Любила Джойса... Краснея, Райхель признался мне, что впервые влюбился. Я одолжил ему денег. Несколько раз они сходили вдвоем в Маринку. Он подарил ей букет ромашек и посвятил небольшое стихотворение...

Большая удача быть одиноким мужчиной с отдельной жилплощадью. Лариса поселилась у меня.

— Ты хочешь знать, почему ты, а не он? — спросила меня Лариса ночью.

— И почему?

— Он слишком хороший, я ему не верю... — ответила Лариса.

Общаясь с Иосифом как старший с младшим, я писал ему курсовые, наставлял в чтении. Учил французскому. Привил любовь к Борхесу, Кортасару и Канетти. Объяснял Канта. Обучал вести конспекты. Даже в подчерке он подражал мне...

Появилась Оля С. Ей нравился Райхель. Я запутался в своих чувствах. Оля и Лариса мне стали одинаково дороги. Я подумывал о женитьбе. По-моему, Оля тоже нравилась Райхелю... Тогда нам было не до этого. Начались вступительные туры...

«Театр — это террариум друзей», — как-то высказался Игорь Головин.

В то лето, во время отборочных туров, я уже осознал, что у меня к Иосифу имеется ядовитое чувство зависти и соперничества. Он же обезоруживал своей доброжелательностью и уступчивостью.

Мы поступили во все мастерские. Оказались в замкнутом мире русского театра, живущим по одному ему известным законам. В мире грез, чудесных перевоплощений, чистой красивой речи, обнаженной чувственности, эгоизма, гордости и тщеславия... Иосиф выбрал мастерскую Вениамина Фильштинского, я решил пойти к Григорию Козлову на режиссуру. В тот год Гриша набирал свой первый курс. Он допустил серьезную педагогическую ошибку, явно выделяя меня из всей группы студентов. Меня вновь невзлюбили. Следствием этого на площадке ничего не получалось. Прокрадывалась мысль о бездарности. О чем часто намекали «коллеги». Вдобавок ко всему, Лариса, получив возможность жить в общежитии, решила меня бросить. Бросила. Сошлась с финном Йоханом.

— Ты хочешь знать, почему он, а не ты? — спросила она, когда забирала свои вещи.

— Не хочу — ответил я.

Тщеславие мое скулило. Оля С. вела себя коварно и равнодушно, она училась на курсе у Богданова, там все такие. Мой пес Хуккер сдох от чумки. Я решился перевестись к Фильштинскому. По своей доброте, старик меня радушно принял в знаменитую мастерскую покойного Кацмана. Так мы стали с Райхелем однокурсниками.

У Фильштинского мои дела складывались лучше, чем у Козлова. Все получалось. Вернулось самодовольство и тяга к жизни. Появилась Люба или Люда Н. — не помню... еще Аня К., еще кто-то... Я полюбил Толстого, мечтал поставить Каренину... Иосифа домогалась смуглая Алиса Р. Он, как всегда, был неприступен.

Чем больше мы поработались сценой, тем мое отношение к Райхелю становилось все холоднее, враждебнее. Я с тоской окончательно осознал, что он намного талантливее меня. К весне я с ним только здоровался.

В конце марта я с некоторой поочередностью пережил ряд потрясений. В ночь с воскресенья на понедельник приснился ангел и Матерь Божья. Ее не видел, но знал, что это Она. Ангел плакал. Во вторник преподаватель по сценической речи, манерный тиран Галендеев, раздраженно намекнул, что я могу не сдать экзамен. Дело доходило до паники. У меня безнадежно не получалось «Письмо генералу З» Бродского. В этот же вечер на репетиции от переутомления сошел с ума Борис. Его отвезли в лечебницу. Про курс Фильштинского ходил такой анекдот. Девочка в цирке наблюдает аттракцион «Летающие крокодилы». После удара кнута дрессировщика крокодилы вскакивали с места и, делая разные фигуры, летели вокруг арены. Удивленная девочка спросила у пролетающего рядом маленького крокодильчика: «Простите, но разве крокодилы летают?...» «Ах, милая девочка, если бы ты знала, как нас здесь бьют!» — отвечал крокодильчик.

Мы «били» себя сами. Занимались без передыха с восьми утра и до полуночи. Стремились к славе. Достигали.

В среду на Выборгском шоссе, в ресторане, двумя выстрелами в голову был убит мой отец. За последние шесть лет мы виделись три раза. В последний раз он подарил мне машину и дал денег на год вперед. Мать, испуганная происшедшим, по телефону настаивала на моем возвращении в Лион. Я отказался.

В воскресенье пошел в храм Иоанна Предтечи на Черной речке заказать панихиду.

Начался Великий пост. Я постился со всей ревностью неопита. Шесть раз причащался. Приблизился к грани подлинного перерождения, но...

Но на Пасху в Балтийском доме состоялся капустник. «Опять пришла весна...» — в дурацкой шляпе пел Боря Бирман свою песню. Женя К. села рядом со мной... Она прекрасна. Мы съездили в Новгород, провели майские праздники на даче в Репино. Иосиф без приглашения приехал к нам. Я боялся смотреть ему в глаза, а он виновато улыбался, держа в руках трехлитровую банку молока.

На большой стеклянной веранде мы втроем играли в лото и пили парное молоко. Наблюдали дождь. Пахло лесом и деревянной сыростью. Ночью, когда Женечка спала, мы разбирали для постановки «Иуду Искарота» Андреева. Наша дружба возрождалась.

Пятнадцатого мая у Женечки день рождения. Решили справить у меня. Устроился большой праздник. С Райхелем пришла коварная Оля С. Танцевали, выпивали, выдумывали этюды на память физического действия. Оля предложила мне быть ее партнером. Мы сделали импровизацию на сцену измены Карениной. Опять выпили. Видя, как я ухаживаю за Олей, Женечка заметно нервничала, старалась привлечь к себе внимание. Я ее игнорировал... Играя с Ольгой, мы ощутили друг к другу характерное влечение. Обменявшись знаками, уединились в соседней комнате. Пьяная Женечка открыла дверь, увидев нас, вскрикнула. Убежала в слезах. Иосиф отправился ее догонять. Они не вернулись. Мне стало стыдно. Я понял, что искренне ее любил.

Страдал.

Просил прощения.

Ждал...

В театре, по моей вине, наши отношения с Райхелем вконец расстроились. Мы стали жестокими конкурентами. Я не мог смириться с его превосходством. Он несомненно был лучшим. Олю С. я разлюбил. Мы даже собирались пожениться. Я испугался. Ушел. Как выяснилось позже, с Женечкой у Иосифа тоже ничего не произошло. О нем ходили смешные слухи. С моей подачи его прозвали Святым Райхелем.